ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 908.517

Е.В. Бармина

DOI: 10.36718/2500-1825-2019-4-187-193

ОБРАЗ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ В СИБИРСКОЙ ПРЕССЕ 1917 г.

E. V. Barmina

THE IMAGE OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA IN THE SIBERIAN PRESS OF 1917

В статье рассматривается образ коренных народов Сибири в местной прессе в 1917 г. Проблема местного населения стала наиболее актуальна в переломный для отечественной истории 1917 г. Очевидно, что в условиях революций и преобразований положение «инородческого» населения не могло не стать важным вопросом. Сибирские областники и другая передовая местная интеллигенция видела своей задачей поддержание и защиту прав сибирских народов. Многие из них выступали с идеей предоставления им автономии и самостоятельности. В то же время возникает законный вопрос, а насколько искренни были эти желания? Действительно ли областники и интеллигенция желали помочь местным народам, а не разделяли прежние порядки и отношения к ним, как и царская администрация? Одним из инструментов, который может помочь в решении этого вопроса, является анализ языка, который использовали при постановке данных проблем. Были проанализированы тексты газетных публикаций, их стилистика и контекст, в рамках которого поднимались проблемы инородческого населения. В итоге мы пришли к выводу, что, несмотря на заявленные благородные цели, в газетах и публикациях используется терминология и стиль царской администрации. Используемые языковые средства демонстрируют пренебрежительное отношение к местным народам, как к отсталым и варварским. Конечно же, областники и другие авторы заметок пытались помочь коренным народам, но в целом они были продуктом своей эпохи и не стремились полностью порвать с ней связи. Активно критикуя царскую политику в области коренных народов, они, тем не менее, продолжали использовать ее терминологию, ее язык.

Ключевые слова: инородцы, областники, Сибирь, Сибирские коренные народы, дискриминация.

In the study the image of indigenous people of Siberia in local press in 1917 was considered. The problem of local population became most relevant in 1917, turning point for national history. It was obvious that in the conditions of revolutions and transformations position of "indigenous" population could not but become an important question. Siberian oblastnik and other advanced local intellectuals saw the task of maintenance and protection of the rights of the Siberian people. Many of them acted with the idea of granting an autonomy and independence to them. At the same time there was a lawful question, and how sincerely there were these desires. Whether oblastnik and the intellectuals really wished to help local people, but former orders and the attitudes towards them, as well as imperial administration did not share. One of the tools which can help to solve this question was the analysis of the language which was used at the statement of these problems. The texts of newspaper publications, their stylistics and context within which there were problems of foreign population were analysed. As a result the conclusion can be made that, despite declared noble purposes, in newspapers and publications the terminology and the style of imperial administration was used. The used language means showed their negligence to local people, as to backward and barbarous. Of course, oblastnik and other authors of the notes tried to help indigenous people, but in general they were the product of their era and did not seek to tear with it communications completely. Actively criticizing imperial policy in the field of indigenous people, they, nevertheless, continued to use its terminology, its language.

Keywords: foreigners, oblastnik, Siberia, Siberian indigenous people, discrimination.

Каждый народ имеет свою культуру, традиции, быт, а также неповторимый характер. В период освоения Сибири русские принесли на данную территорию свои культурные ценности и образ жизни, что отразилось на коренном населении. Тенденции развития взаимоотношений русского и инородческого населения нашли свое отражение в разного рода исторических источниках: от воспоминаний и заметок представителей сибирского областничества до периодических изданий и научных трудов.

В конце XIX в. начинает набирать силу сибирская периодическая печать, выступавшая в качестве рупора для наиболее образованной и передовой части местного населения. В газетах начала XX в. много внимания уделялось проблемам революции, военным действиям и путям развития отечественного государства. Важное место в публикациях занимал инородческий вопрос, который был отражен в различных аспектах: автономия коренных народов, проблема вмешательства русского

населения в жизнь инородцев, проблема вымирания инородцев, проблема оленеводства, а также притеснение инородцев в использовании родного языка на заседаниях местных органов власти. В то же время остается вопрос о том, как в реальности воспринималось передовыми представителями Сибири местное коренное население. Помочь в этом может анализ языка и того, как описывались и показывались в прессе местные народы. Рассмотрим более подробно данный вопрос на материалах сибирских газет «Енисейские губернские ведомости» и «Сибирская жизнь» за 1917 г.

Восприятие одной группой людей других является той темой, которая особенно актуальна для современной исторической науки, так как невозможно дать однозначного ответа на данный вопрос. В первую очередь, анализу подверглись статьи областников-автономистов, считавшихся большими защитниками коренных народов. Представители данной группы, в которую входили Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, А.В. Адрианов, П.В. Вологодский и другие деятели, помимо научных трудов писали многочисленные заметки и статьи в газеты, где поднимали разные вопросы и проблемы жизни сибирских народов. В своей работе «Нужды Сибири» Г.Н. Потанин указывал, что: «Право культурного и даже национального самоопределения за нерусским населением надо признать, во-первых, в узких интересах самих этих племен, для них необходимо общественное возрождение для своей защиты в борьбе за существование; во-вторых, умственная и общественная деятельность этих племен, развиваясь оригинально, внесет что-нибудь новое в общую сокровищницу человеческого духа» [1, с. 267]. Г.Н. Потанин называет коренные народы «племенами», тем самым указывая на их традиционный образ жизни, в котором во многом подразумевается отсталость и неразвитость. Несмотря на то, что данный деятель, казалось бы, поднимает вопрос общественного возрождения и борьбы существования народов, но он не воспринимает их как равными себе – русскому образованному человеку.

Стоит отметить, что во многих источниках, которые содержали упоминания о коренных народах Сибири, их называют инородцами, что само по себе является в некоторой степени проявлением дискриминации для людей, живших на этой территории задолго до прихода русского населения. Сибирская периодическая печать, которая в семнадцатом году выступала с критикой царской политики, тем не менее не считала зазорным использовать ее язык и термины для обозначения коренных народов. Так, в газете «Енисейские губернские ведомости» № 56 от 27 октября в рубрике «Красноярский отдел Союза областников» указывается, что: «В Сибири много *инородцев* – бурят, кыргызов, якут, алтайцев, а у нас в Енисейской губернии – татары, которые хотят жить по-своему, сохранить свой язык, устроить свою школу, сохранить свои обычаи. В тех случаях, где они достаточно многочисленны, чтобы жить и управляться самостоятельно, им должна быть предоставлена возможность организо-

вывать свое управление и заведование собственными нуждами на правах расширенного земского самоуправления» [2, л. 2]. Как и в книге Г.Н. Потанина, наблюдается неравноправное отношение к сибирским народам, которые могут получить право на самоуправление лишь только благодаря своей большой численности. На основании данной информации можно сделать вывод о том, что дальнейшее существование коренного населения полностью зависит от воли русских. Не учитывается в данном случае ни культурное, ни экономическое развитие народов, хотя многие из них оказали неоценимую помощь стране в период Первой мировой войны. Так, например, в январском выпуске газеты «Сибирская жизнь» в заметке «Буряты и война» указывается, что: «По данным забайкальского отделения Елизаветинского комитета по 1-е января 1916 г. на разные нужды войны от бурят, по словам «З. И.», поступило деньгами 243 383 р. 39 к., вещами – 5619 р. 95 к., помощь натурой 7654 р. 60 к. Кроме того, от ишретеуев дацанов области поступило деньгами – 24 347 р. 54 коп.» [3, л. 2]. Не многие русские люди могли пожертвовать на нужды войны такие суммы, а так называемые «инородцы», которых считали отсталыми, оказали значительную помощь.

На страницах газет коренные сибирские народы чаще всего именовались «инородцами». Однако были и другие наименования, которые подчеркивали пренебрежительное отношение к этим народам. Так, в одном из февральских выпусков газеты «Сибирская жизнь» под заголовком «Вымирающий край» имеется следующая характеристика инородцев: «До сих пор сибирские газеты пестрили мрачными сообщениями о вымирании целых народностей *аборигенов*. Около этого вопроса в свое время разгоралась страстная полемика ученых, публицистов, среди которых находились и такие, которые полагали, что сибирские инородцы обречены самой природой на вымирание. К счастью, это единичные голоса. Теперь о вымирании целого района пишут “Сиб.” из Больше-Мамырской вол., Нужнеуд. уезда: “Все глухи к вымиранию населения волости. Вымирают не чукчи, тунгусы и т. п., а *настоящие русские люди...*”» [4, л. 2]. Первое, что характеризует отношение к сибирским коренным народам, это их наименование «народностями аборигенов». Эти слова применяются исключительно к коренным жителям Сибири, тогда как русские именуются «русские люди». Такое отношение проявляется и во втором моменте данного отрывка, когда автор, словно возмущенно, высказывается, что гибнут не какие-то там чукчи и тунгусы, а «*настоящие русские люди*». В этом контексте представители коренных народов Сибири вообще не считаются полноценными людьми. Их словно сравнивают с животными, смерть которых является чем-то привычным и не вызывает сильных эмоций. Подобное отношение проявляется во многих заметках про так называемое инородческое население региона. Их называют «меньшими братьями нашими», как это было отражено еще в периодике конца XIX в.: «Уже триста лет прошло, как мы, русские, впер-

вые познакомились с сибирскими инородцами, взяли их под свое покровительство и назвались их старшими братьями; что же мы сделали для них, этих меньших братьев наших, в течение протекших трехсот лет?... внесли ли мы в их жизнь хотя сколько-нибудь просвещения, хотя каплю цивилизации?» [5, л. 2]. Русские люди выступают для коренных жителей Сибири в качестве неких просветителей и заботливых старших братьев. Но именно исходя из этого формируется образ инородцев в качестве неразумных и нецивилизованных животных, которых, чаще всего, и называют меньшими братьями.

Стоит отметить, что сибирская периодика отражала стремление областников-автономистов, указанных выше, предоставить право самостоятельного развития и выбора коренным народам, в число которых входили буряты, киргизы, якуты и алтайцы. Это отражено в обращении к читателям указанной выше газеты под заголовком «Будут добиваться сибиряки областники-автономисты»: «Необходимо предоставить право провинциальной автономии тем из инородческих народностей Сибири, которые пришли уже к сознанию общности своих интересов и имеют налицо культурные силы. Способные организовывать управление и заведывание собственными нуждами и пользами (буряты, киргизы, якуты, алтайцы и татары), если затем этому не будут препятствовать территориальные особенности расселения данной народности» [6, л. 2]. Таким образом, областники-автономисты хотели добиться действительно самых необходимых прав для инородцев, выдвигая идею самоуправления на правах обычного права. Однако здесь может возникнуть закономерный вопрос, почему именно указанным народам – бурятам, якутам, киргизам, алтайцам и татарам – должны были предоставить право автономии, а другим сибирским коренным народам нет? Каким образом определялся уровень осознанности инородцев, является открытым вопросом не только на страницах газет, но и в политике того периода в целом.

Ответ на поставленный вопрос может быть дан с точки зрения участия данных народов в политической и экономической жизни Сибирского региона, а также с точки зрения многочисленности данных народов, на что и обращают внимание областники в своих статьях. Степень участия представителей данных инородческих групп в процессах разных сфер в Сибири можно подтвердить также упоминаниями в газетах. Так, например, многие выпуски «Сибирской газеты» содержат информацию об инородческих съездах представителей указанных народов, где происходило обсуждение наиболее значимых вопросов [7]. В одном из выпусков данной газеты имеется заметка одного из областников-автономистов А.В. Адрианова под заглавием «Пробуждение инородческого Алтая», где автор рассказывает о том, что «кроткое, мирное, вполне лояльное инородческое население Алтая, долгие годы испытывавшее обиды, насилие и гнет и со стороны Кабинета, и со стороны местных чиновников и миссионеров, и наконец со стороны более сильного культур-

но и экономически русского населения, расползавшегося по территории стойбищ алтайцев, с наступлением переворота ожило и воспрянуло духом... Как ни бедны алтайцы местными, тронутыми светом образования силами, они сделали тот необходимый шаг, без которого невозможно приобщение к культуре на национальной основе, невозможно развитие народного самосознания. 1 июля алтайцы созвали в Бийске свой инородческий съезд и на нем постановили учредить алтайскую горную думу – постоянно действующий национальный орган, как будущую самостоятельную земскую единицу» [8, л. 2]. С одной стороны, автор подчеркивает, что алтайцы приняли серьезное решение о создании реально действующего органа власти, что характеризует их как самостоятельный народ, имеющий свои взгляды на будущее. С другой стороны, А.В. Адрианов указывает на отсталость инородцев, считая их лишь немного «тронутыми светом образования».

Исходя из указанной информации о коренных народах Сибири в периодической печати, можно предположить, что у большинства русского населения действительно мог сформироваться образ этих народов не как полноправных хозяев сибирской земли, а именно как инородца, то есть во всех отношениях не такого, как они – русские. Это проявлялось в наименовании, характеристиках развития и ряда других аспектов образа инородца. Последних часто выставляли способными только на подлые поступки. Стоит отметить, что указывать на низкие с точки зрения нравственности поступки сибирских коренных народов стали еще в конце XIX в., что еще больше способствовало формированию образа инородца с нецивилизованной стороны. Например, в газете «Сибирская жизнь» имеется упоминание о том, что, несмотря на то, что инородцы «„цивилизируются“, хлебопашество у бурят развивается, они охотно учат своих ребят, ... но больше [начинают] перенимать пьянство и конокрадство: в этом они достигли большого совершенства» [9, л. 5]. Важным моментом является то, что в ходе прочтения данного отрывка многие читатели могли обратить внимание на то, что традиция пьянства и конокрадства именно перенималась от русского населения. Таким образом, она не являлась характерной для коренных сибирских народов. Но в сознании многих образ инородца состоял в большей степени из негативных аспектов.

Исходя из приведенных примеров периодической печати начала XX в., видно, что восприятие коренного населения Сибири было построено на замечках областников-автономистов и редакторов газет. Первая группа, несмотря на то, что призывала общественность обратиться к вопросам автономии, развития сибирских народов, не считала их равными себе. Их по-прежнему воспринимали как «меньших братьев наших», что создает образ инородцев в качестве неравноправных участников процессов, происходящих в Сибири в тот период. Редакторы же местной печати зачастую выставляли коренное население нецивилизован-

ными и отсталыми людьми, сравнимых больше с животными, вымирание которых не могло вызвать в обществе какие-либо опасения. Всё это формирует образ сибирских народов как, с одной стороны, народа, который якобы, с точки зрения областников, имеет право на самостоятельность, а с другой – отсталый и непросвещенный «скромный пасынок природы» [10, л. 3]. Несмотря на благие намерения, авторы заметок продолжают жить и воспринимать сибирские народы в традициях царской администрации. Критикуя ее, они тем не менее используют ее язык и понятия.

Литература

1. *Потанин Г.Н.* Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды: сб. ст. / под ред. *И.С. Мельника*. – СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1908.
2. Енисейские губернские ведомости. – Красноярск, 1917. – № 56 (27 окт.).
3. Сибирская жизнь. – Томск, 1917. – № 25.
4. Там же. – № 30.
5. Сибирская газета. – Томск, 1882. – № 40.
6. Енисейские губернские ведомости. – Красноярск, 1917. – № 57 (31 окт.).
7. Сибирская жизнь. – Томск, 1917. – № 19, 34, 38, 255.
8. Там же. – № 255.
9. Сибирская жизнь. – Томск, 1882. – № 38.
10. Там же. – № 40.

Literatura

1. *Potantin G.N.* Nuzhdy Sibiri // Sibir', ee sovremennoe sostojanie i nuzhdy: sb. st. / pod red. *I.S. Mel'nika*. – SPb.: Izd. A.F. Devriena, 1908.
2. Enisejskie gubernskie vedomosti. – Krasnojarsk, 1917. – № 56 (27 okt.).
3. Sibirskaja zhizn'. – Tomsk, 1917. – № 25.
4. Tam zhe. – № 30.
5. Sibirskaja gazeta. – Tomsk, 1882. – № 40.
6. Enisejskie gubernskie vedomosti. – Krasnojarsk, 1917. – № 57 (31 okt.).
7. Sibirskaja zhizn'. – Tomsk, 1917. – № 19, 34, 38, 255.
8. Tam zhe. – № 255.
9. Sibirskaja zhizn'. – Tomsk, 1882. – № 38.
10. Tam zhe. – № 40.